

«Академия давно созрела для реформы»

Известный историк науки Эдуард Колчинский считает, что преобразовывать РАН должны не чиновники, а сами учёные

Когда только начиналась реформа Российской академии наук, учёные в разных городах страны на общих собраниях и митингах горячо выступали против инициатора преобразований – Министерства образования и науки. А как обстоят дела сегодня? Каковы первые итоги реформы? Как она отразилась на состоянии отечественной науки? И чего можно ожидать в ближайшем будущем? Об этом рассказывает директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН Эдуард Колчинский.

– Эдуард Израилевич, вот уже больше года продолжается реформа РАН. Когда она только начиналась, большинство учёных отнеслись к ней резко отрицательно. А что сейчас?

– Вот результаты исследования, которое недавно провёл РОМИР. 62 процента опрошенных отрицательно оценивают изменения, которые произошли в академии. 27 процентов считают, что реформа ухудшила имидж России в мировом научном сообществе. На вопрос об участии государства в развитии фундаментальных исследований 60% ответили, что власть не должна вмешиваться в вопросы науки. 44 процента заявили, что разделение функций между академией и Федеральным агентством научных организаций (ФАНО) неоправданно и приведёт к негативным последствиям. 51 процент уверены – реформа не решила ни одной проблемы в организации отечественной науки.

– А каково мнение молодых учёных? Есть какие-либо цифры на сей счёт?

– По словам ректора МГУ Виктора Садовникова, только 50 процентов аспирантов собираются заниматься наукой. Есть и косвенные данные. Заместитель директора Института проблем передачи информации РАН Михаил Гельфанд, выступая на конференции в Петербурге, сказал: «За последние четверть века на Запад эмигрировали предположительно 30 тысяч человек, а вернулись всего несколько сотен». Нетрудно догадаться, что чаще уезжали молодые учёные. Не могу сказать, что самые талантливые, но бесспорно самые активные. В науке активность играет важную роль. Учёный должен ездить по миру, общаться с коллегами на конференциях, работать в лучших лабораториях разных стран, библиотеках, музеях, архивах. Для успешной науки нужна сеть международных контактов на личностном уровне – именно так зарождаются перспективные совместные проекты. В разнообразных контактах и дискуссиях молодому учёному легче нащупать свой путь в науке, а порой и к подлинному открытию.

– Ну а каковы ваши оценки реформы?

– Отечественная наука, по большому счёту, проиграла. На мнение учёных, делающих реальную науку, просто наплевали. Никто в чиновничьем восторге не спросил мнения социологов и историков науки. Конечно, Академия наук затянута с реформами. Но консерватизм лучше волевого беспредела, цель которого – разрушение того, что работает, а затем постройка якобы лучшего. Но так в науке не бывает. Она выживает десятилетиями, если не столетиями.

15 лет идут реформы науки, а в итоге мы стремительно утрачиваем позиции в мире. Это легко проследить по справочнику «Научный потенциал и инновационная активность в России», который издаёт Минобрнауки – главный инициатор реформы. Если в 2000 г. российские публикации в престижных журналах Web of Science и Scopus по числу шли на 9-м месте, то в 2005-м – уже на 12-м, а сейчас – на 16-м. На пятки нам наступают такие научные «гиганты», как Польша, Иран, Турция. По цитируемости мы уже в третьем десятке. Конечно, не всегда количество – знак качества, а цитируемость далеко не универсальный показатель. Во многих отраслях знаний не преодолены прежние установки, когда учёный даже в отечественных журналах мог публиковаться после акта экспертизы, которая должна была установить, что в статье нет ничего нового. Ну а кто ж на Западе будет публиковать или цитировать статью, в которой нет ничего нового? К тому же мало отечественных журналов переводят на английский язык, а изучать русский не

Из постсоветской России уехали 30 тысяч учёных. По оценке президента РАН Владимира Фортова, в последние полтора года, с началом реформы академии, этот поток возрос

много охотников. В итоге неизбежна маргинализация отечественной науки на радость тем, кто жаждет пилить бюджет науки без оглядки на мировое научное сообщество. Ведь никто не отвечает, почему столь низка отдача от вложений во внеакадемическую науку. Ведь РАН, получая лишь 15 процентов ассигнований на науку, даёт 50 процентов престижных публикаций.

Ещё один плачевный итог нынешней реформы – разрушен академический этос. Раньше мы, люди разных специальностей, принадлежали к одному сообществу, что было гарантом подлинной междисциплинарности. Я всегда мог связаться с любым членом даже Президиума РАН, обсудить возникшую проблему – как научную, так и организационную. Бюрократия была сведена к минимуму. Все примерно знали, кто на самом деле чего стоит, независимо от званий и должностей. Теперь зачем встречаться? Ведь никто ничего не решает. Раньше на заседании президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН не только вход был свободным для любого научного работника, но и каждый мог участвовать в дискуссиях по докладу или организационному вопросу. Были понятны принимаемые решения. А теперь – кто, где и как их принимает? Никто не знает, даже директора.

– Но ведь нынешнее обострение отношений академии с властью далеко не первое в её без малого трёхвековом прошлом?

– Да, ко всему нужно подходить исторически. Министерство народного просвещения и до революции пыталось поднять академию, ну а о её противостоянии с советской властью знает каждый. Академия не вписывалась в российский менталитет. Её многие считали экзотическим растением, завезённым Петром I. По его замыслу она должна была стать сообществом экспертов, коллегиально принимающих решения и проводящих исследования. Учёные сами должны были выбирать, чем им заниматься. А с точки зрения чиновников, научное сообщество должно действовать по спускаемому сверху правилам, безоговорочно выполняя их распоряжения и по воле начальства признавая назначенных им «выдающихся учёных». Чиновник убеждён: если он всех правильно построит, всё пойдёт хорошо. Не случайно Дмитрий Ливанов недавно заявил: «Главное событие в российской науке за последние двадцать лет – это реформа Академии наук». А если точнее – её ликвидация. Ведь Академия наук без институтов – это сборище пикейных жилетов. Странно от министра образования и науки слышать, что главное – это разрушение. Всё-таки главное – созидание. Помощник же президента по науке Андрей Фурсенко главным достижением реформы также считает разрушение, на этот раз – мифа о советской науке. Но ведь мифы как важный компонент национальной и индивидуальной самоидентификации разрушать опасно. История любого народа, любой страны, любой религии и человеческая культура в целом базируются на мифах. К тому же отечественная наука далеко не миф. Она до развала СССР была на втором месте в мире.

– Так в чём же смысл реформы и почему, как считают учёные, она пока не удалась?

– Смысл реформы заключался в том, чтобы разделить функции. Одна – чисто управленческая: финансирование и надзор за имуществом. Вторая – как бы чисто научная: определение научной политики, разработка научных программ, подбор руководящих кадров. Управленческую функцию выполняет ФАНО. Во главе ФАНО – Михаил Котюков, человек, далёкий от старых споров учёных и чиновников. Надо отдать ему должное, он понимает, что наломать дров легко, и не спешит с реорганизациями и реструктуризациями. ФАНО на этом этапе занимается юридическими вопросами: разработали уставы, расширили возможности для коммерческой деятельности, провели инвентаризацию крупного имущества, земельных угодий. Всё это хорошо. Но что будет, когда дойдёт до конкретного управления финансовыми потоками, самой наукой и кадровыми назначениями? Они ведь не знают нашей специфики! Поэтому всё время собирают сведения. Огромное количество времени уходит на подготовку отчётов, планов и прочих бумаг. Я понимаю, они хотят ясности: мы вам дадим столько-то денег, но вы нам скажете, сколько на эти деньги будет сделано и как это будет называться. Нам говорят: напишите в планах, что вы будете иметь после проведения исследований, в каком журнале и с каким рейтингом вы напечатаете статью о ваших итогах. Я, конечно, утрирую, но смысл такой.

Но ведь в настоящей науке – всё неизвестно! Неизвестно, принесут ли исследования положительный результат, когда они закончатся, а если всё же добьёшься успеха и напишешь об этом статью, как ты можешь гарантировать, что журнал примет её к публикации и это даст высокий рейтинг? «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», а уж как отзовется научная работа – тем более.

– Неужели всё так плохо?

– Почему же? Идёт большая работа по упорядочению делопроизводства, налаживаются связи с новым начальством, решаются вопросы собственности, её регистрация и т. д. На науку остаётся меньше времени. Неопределённость парализует многих. Инициаторы реформы, похоже, также не очень уверены в её успехе. Теперь они говорят: не надо спешить! Не так давно Андрей Фур-

сенко сказал, что результаты реформы могут появиться только через 15–20 лет. Дмитрий Ливанов также говорит о десятилетиях. Что же – ждать десятилетия, чтобы убедиться, что реформы не удалась? И с кого потом спрашивать? Шаха и Насреддина уже не будет, а в качестве ослов, точнее козлов отпущения, опять окажутся учёные.

– Но ведь финансирование вроде не уменьшается, даже несмотря на кризис. Это уже плюс.

– Да, господин Ливанов сказал: денег на науку у нас достаточно. И привёл цифру: 770 млрд рублей. Раньше это было примерно 25 млрд долларов, сейчас – 12–13 млрд. А в Америке – 440 млрд, в Китае – 230 млрд. Однако дело не только в деньгах. Фактически разрушена система высшего образования, престиж науки, учёного опустили, простите, ниже плинтуса.

– Возможно, реформа, проводимая правительством, и вправду плоха. Но почему же за четверть века сама академия ничего не сделала, чтобы перестроиться в соответствии с новыми условиями?

– Да, были ошибки академии. Но было непонятно, чего власть хочет. К тому же господствовало убеждение, что наиболее эффективную часть науки власть не тронет. Минобрнауки также выжидало. А когда Фортов стал говорить о своём видении реформы РАН, как будто решили его опередить. Избрание Владимира Фортова на пост президента РАН открывало путь к реальным реформам. Был предложен план, одобренный общим собранием. В нём было примерно то же, что предлагало министерство: омоложение состава академии, выделение главных направлений в научной работе, финансовая поддержка наиболее творческих коллективов, дальнейшая демократизация. Уверен: Фортов мог осуществить реформу, опираясь на академическое сообщество. Он ученик нобелевского лауреата Николая Николаевича Семёнова, у него высокий авторитет среди физиков и математиков, беспорных лидеров отечественной науки, хороший международный рейтинг. И вполне можно допустить, что, когда станет очевиден провал реформы по-министерски, именно глава Академии наук продолжит это дело, но уже демократически. Хочется верить.

Беседовал Сергей Ачильдиев

прямая речь

Владимир Фортов, президент Российской академии наук (РАН):

«Наши зарплаты несопоставимы с теми, которые есть там, они отличаются в разы и отличился до повышения курса доллара к рублю. За последние полтора года, этот отрезок для нас самый болезненный, я посчитал, что отток учёных увеличился».

Источник: Телеканал «Россия 24»

Алексей Кондрашов,

русский эмигрант, генетик из Мичиганского университета в Энн-Арбор:

«Любая дискуссия о будущем российской науки совершенно бессмысленна, если эта страна ведёт себя как бык. Я люблю Россию, но перспективы для науки здесь мрачные, и меня очень беспокоит то, по какому пути идёт эта страна».

Артём Оганов, коренной москвич, специалист по вычислительному материаловедению, работавший раньше в Университете штата Нью-Йорк, ныне преподаватель в Сколковском институте науки и технологий:

«Я не беженец, никто ко мне плохо не относился, и у нас с моей родиной полный мир и согласие. Меня, конечно же, беспокоят санкции и ухудшающееся экономическое положение, но я бы себя никогда не простил, если бы я понадобился своей стране, а меня бы здесь не было».

Источник: Nature (Великобритания)

Точка зрения

А про экономику забыли?

Сергей Ачильдиев, редактор отдела спецпроектов «НВ»

История эта стара и банальна. Любой творческий коллектив – далеко не только творчество. Это к тому же зарплаты и гонорары сотрудникам, плата за воду, электроэнергию и отопление, ремонт помещений, мебели, сантехники, покупка всяческих материалов, нужных для работы, – в общем, деньги.

А поскольку творческое руководство любит деньги получать, но вовсе не заниматься ими, вскоре теми или иными путями появляется человек, который берёт на себя все эти материальные заботы. Первое время он смотрит на творческое руководство как юная провинциалка на заетежного гения, но потом, освоившись, начинает понимать, что и сам кое-что значит, потому как сидит на деньгах – тех самых, без которых не бывает никакого творчества. И вчерашний зам по финансам превращается в главного по всем вопросам...

В Академию наук такой зам под названием ФАНО (Федеральное агентство научных организаций. – Прим. ред.) пришёл сверху, из правительства. Но даже сегодня, спустя столько времени после начала реформы академии, непонятно, зачем надо было создавать ещё одну управленческую структуру, да к тому же подчинять её правительству, если в системе самой РАН есть финансово-экономическое управление. Если власть считала, что академия использует средства неэффективно, то, наверное, можно было ограничиться усилением этого управления. Если же власть подозревала, что деньги расходовались не по целевому назначению, на это есть прокуратура, Следственный комитет и суд.

А теперь появление ФАНО поставило двух людей, мягко говоря, в не совсем приятное положение. Президент РАН наверняка почувствовал, что ему если и доверяют, то не до конца. Тогда как глава ФАНО оказался слугой двух господ – подчиняется он правительству, а работать должен на Академию наук...

Однако попробуем подъехать к той же проблеме с другой стороны.

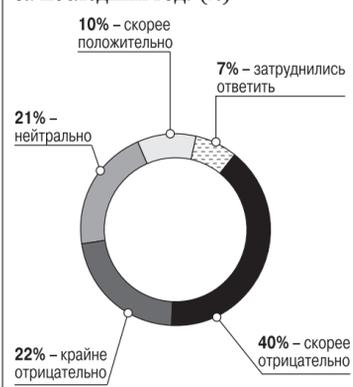
В последнее время Российскую академию наук не раз упрекали в том, что она за все постсоветские годы ни разу не предложила своего варианта собственного реформирования, хотя у нас уже и страна другая, и политика, и экономика... Что ж, попробую ответить за уважаемую академию. Менять самого себя, да к тому же кардинальным образом, – самое трудное, что может быть. На такое обычно идут лишь в одном случае – когда не меняться уже просто нельзя, то есть когда речь идёт о жизни и смерти. Перед Академией наук такого выбора не было. Все эти годы от неё никто ничего особо не требовал – ни власть, ни экономика.

Особенно экономика. Даже те разработки, которые делали российские учёные, отечественная экономика использовать не спешила. «НВ» неоднократно писало, что труд наших «быстрых разумов Ньютонов» слишком часто остаётся ненужным стране. А совсем недавно о том же самом с большой в сердце говорил лауреат Нобелевской премии академик Жорес Алфёров: «Основная беда российской науки – это невестованность научных результатов нашей экономикой и обществом».

Почему так происходит? Да потому, что и от экономикой никто не требует меняться. Она какой была в 1990-е годы, такой пребывает и сегодня – монополизированной, ориентированной на короткие деньги, а потому предпочитающей вместо того, чтобы вкладываться в отечественные научные разработки, покупать готовое, пусть даже не самое передовое, за границей.

Так что вывод, наверное, очевиден: если реформировать Российскую академию наук, то одновременно надо проводить реформы и экономики.

Как вы оцениваете изменения, которые произошли с РАН за последний год? (%)

Источник: холдинг РОМИР